

«ВРЕМЯ – МОЙ САМЫЙ ЛУЧШИЙ АДВОКАТ»

Всякий раз любясь уникальным архитектурным ансамблем нашей Alma Mater, часто ли мы вспоминаем ее директора, усилиями которого она обрела свой неповторимый облик? В этом году исполнилось 160 лет со дня рождения **Василия Ильича Сафонова (1852–1918)** – выдающегося русского музыканта и просветителя. С начала февраля под эгидой **Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки, Московской государственной консерватории, Международного союза музыкальных деятелей и Фонда А. Н. Скрябина в Москве проходят конференции, концерты, выставки, посвященные этой дате, выходят новые публикации. Творческое наследие В. И. Сафонова переживает свое второе рождение.**

«Сильный был человек, любопытнейшая, яркая фигура, сложность и одаренность удивительнейшие. Казак, старовер, нежнейший пианист, действенный статский советник, хозяин гостиницы в Кисловодске, превосходный капельмейстер, делец-администратор, чувствительнейший и добрейший человек, самовластнейший деспот в директорах консерватории, американец, европеец, остроумнейший и развеселый собеседник с меланхолическими глазами и червоточиною внутри. Воплощение того русского таланта, который на все годится и всюду чувствует себя неудовлетворенным...» Таким многоликим запо-

штабу своей созидательной деятельности Сафонов сопоставим лишь с Антоном и Николаем Рубинштейнами. Такой же титанический размах, блестящее достижение поставленных целей, полная самоотдача. Такой же единственный стиль управления: неслучайно современники определяли периоды их директорств как «царствования». Сафонов выступил продолжателем рубинштейновских инициатив и, вместе с тем, завершителем традиции дореволюционного русского музыкального просветительства, распространявшегося не только на Россию, но и далеко за ее пределы.

Путь Сафонова в музыке был неординарным. Уроженец Терского края, наделенный от природы блестящими музыкальными способностями, он избежал участи вундеркинда, получив образование в одном из привилегированных учебных заведений Российской империи – Александровском (бывшем Царском-Сельском) лицее и занимаясь частным образом по фортепиано (у А. И. Виллуана и Т. О. Лешетицкого) и теории музыки (у Н. И. Зарембы). Перед ним открывалась перспектива чиновничьей службы. Однако при первой возможности он оставил эту стезю и поступил в Петербургскую консерваторию (1879), закончив ее с золотой медалью всего через год (!) после поступления. Музыкальная карьера Сафонова развивалась стремительно: вчерашний студент превратился в преподавателя Петербургской (1880), через несколько лет – в профессора Московской консерватории (1885), а вскоре он возглавил ее в качестве директора (1889). Его 17-летнюю деятельность на этом посту без преувеличения можно охарактеризовать как подвижничество.

История взаимоотношений Сафонова с Московской консерваторией драматична. Получив ее в состоянии потери лидерских позиций на музыкальной арене города, он поднял престиж учебного заведения на недостижимую высоту:

сформировал новый консерваторский оркестр, создал уникальную фортепианную школу. Из его класса вышли столь разные индивидуальности, как А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер, И. А. Левин,

Герман Ханачек. Портрет В. И. Сафонова. Нью-Йорк, 1907. Холст, масло

Р. Я. Бесси-Левина. Но главное, он воздвиг новое великолепное здание консерватории. Сафонову пришлось услышать в свой адрес немало нелестной критики, в том числе упреки в непомерном честолюбии и амбициях. Но какова была его собственная мотивация?

«...Если бы каждый из нас делал бы возможно совершеннее свое дело, не примешивая к нему ничего постороннего, это было бы настоящее Царствие Божие. Так я всегда старался жить, оттого всегда мужественно нес всякие невзгоды и одно могу сказать – в гробу мне лежать не будет стыдно» – так писал Сафонов своему бывшему ученику Константину Игумнову, покидая директорский пост. Как известно, уход Василия Ильича был обусловлен его несогласием с мнением Художественного совета. Всегда открыто исповедовавший свои жизненные, художественные и идеологические принципы, Сафонов был убежден: «Искусство аристократично и монархично. Как нельзя "комитету" написать симфонию, также точно и большое художественное дело может вести только один человек, даже два будут друг другу мешать, а, следовательно, мешать и самому делу. Это для меня ясно. Иначе я не представляю себе правильной постановки художественного воспитания».

В 1906 году начался зарубежный, не менее насыщенный этап

биографии Сафонова. Он приобрел мировую известность в качестве дирижера, активно пропагандируя русскую музыку. Аристократ и самовластный руководитель, Сафонов никоим образом не может быть назван музыкальным консерватором. Непревзойденный истолкователь классиков, он испытывал жгучий интерес к современности, в частности, к сочинениям Я. Сибелиуса, Р. Штрауса, Э. Элгара, ранним опусам С. Прокофьева. Огромны его заслуги в пропаганде сочинений Чайковского и Скрябина. Его концертный график не ослаб даже в период Первой мировой войны. Лишь в 1917 году он вынужден был прекратить заграничные выступления.

После смерти Сафонова его имя по идеологическим причинам оказалось в тени.

Сын генерала царской армии, тесть министра финансов, отец возлюбленной адмирала Колчака не вписывался в каноны советской историографии. Круг молчания был разорван в конце 1950-х годов в связи с победой на Первом международном конкурсе имени П. И. Чайковского Вана Клиберна – «музыкального внука» Сафонова. Сейчас идет активная разработка его творческого наследия, по материалам которого подготовлен такой фундаментальный труд, как «Летопись жизни и творчества В. И. Сафонова» (М., 2009; сост. Л. Тумаринсон, Б. Розенфельд). Начиная с 1992 года регулярно проводятся всероссийские конференции и форумы, приуроченные ко дню рождения Василия Ильича (25 января / 6 февраля).

На сей раз статус «Сафоновских чтений» был особенно высок: они объявлены «международными». Чтения проходили в Музее-квартире А. Б. Гольденвейзера, который с 9 по 11 февраля 2012 года превратился в центр научно-музыкальной жизни. Хранителям этого уникального Дома – А. Ю. Николаевой и А. С. Скрябину – удалось создать неповторимое

сочетание гостеприимства, доброжелательной ауры и старомосковского уюта. Звучание гольденвейзеровского «Бехштейна» воскресило дух ушедшей эпохи. Постоянную музейную экспозицию дополнял портрет В. И. Сафонова работы Г. Ханачека.

В приветствиях ректора Московской консерватории профессора А. С. Соколова и генерального директора ВМОМК М. А. Брызгалова были затронуты проблемы преемственности музыкальных поколений, забвения и исторической памяти. Результаты своих изысканий представили ведущие музыковеды и молодые исследователи из России (Москва, Санкт-Петербург, Клин, Кисловодск, Пятигорск, Екатеринбург, Астрахань), Украины, Швеции, Италии. В докладах Сафонов был представлен во всех ипостасях – как пианист, педагог, дирижер, администратор, общественный деятель и, наконец, как гражданин мира и автор богатейшего эпистолярия: презентация «Избранной переписки» Сафонова (сост. Е. Кривицкая, Л. Тумаринсон) стала важным событием Чтений.

Участники «Сафоновских чтений»

Не менее насыщенной была концертная программа из произведений, посвященных Сафонову композиторами-современниками. Она стартовала в Малом и завершилась в Большом зале Московской консерватории. Сейчас в его фойе размещена мемориальная сафоновская экспозиция. Безусловно, открытие нашего «Храма искусства» после прошедшей реставрации стало наиболее весомым приношением В. И. Сафонову. «Время – мой самый лучший адвокат» – пророчески писал Василий Ильич более века назад. Сейчас «время Сафонова» настало.

Г. А. Мусеев,
ст. научный сотрудник МГК
Иллюстрации предоставлены
ВМОМК им. М. И. Глинки

А. С. Соколов и М. А. Брызгалов на открытии «Сафоновских чтений»

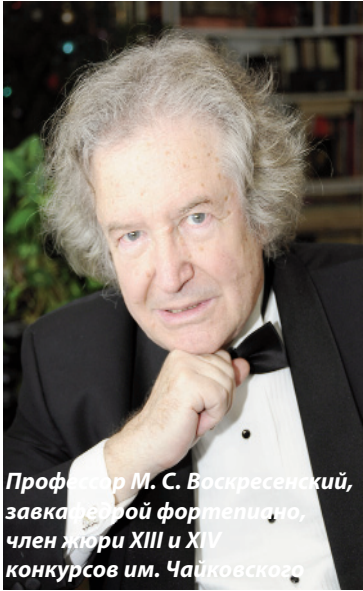
нился Василий Ильич Сафонов известному московскому литератору конца XIX – начала XX века А. В. Амфитеатрову.

Оценивая значение этой личности в контексте эпохи Серебряного века, осознаешь, что по мас-

ДИСКУССИЯ

КОНКУРС ЧАЙКОВСКОГО – НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ?

Окончание. Начало в «РМ»
2011, № 9; 2012, № 1, № 2 и № 3

Профессор М. С. Воскресенский,
завкафедрой фортепиано,
член жюри XIII и XIV
конкурсов им. Чайковского

Скоро будет год, как ушел в историю XIV Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Сейчас вспоминая конкурсные баталии, я до сих пор испытываю внутреннее волнение от этого праздника. Это действительно был праздник, и то, что наша газета называет конкурс Чайковского «Национальным достоянием» совершенно справедливо.

Я не испытываю неудовольствия оттого, что конкурс был в двух городах. Санкт-Петербург заслуживает чести принимать у себя конкурс Чайковского – это все-таки вторая столица России. Тем более на конкурсе наконец-то была интернет-трансляция, что, можно сказать, уничтожило расстояние. Известно, что часть конкурса была перенесена в Петербург из-за опасения, что Большой зал Московской консерватории не успеют отреставрировать. Я счастлив, что эти опасения не оправдались и что Большой зал вновь сверкает своей красотой и удивляет всех своей прекрасной акустикой. Bravo всему коллективу реставраторов! Я считаю, что в первом амфитеатре акустика стала даже еще лучше.

Конкурс был блестяще организован. Слушая в основном пианистов, я ни разу не ощутил ни одной накладкой, а это, если случается, очень мешает спокойному судейству. Мне только очень жаль, что Нельсон Фрейре – прекрасный музыкант (мы с ним когда-то, еще давным-давно, выступали вместе на конкурсе в

Рио-де-Жанейро, ему было 12 лет, но он уже тогда заявил о себе как об очень талантливом мальчике) – плохо себя почувствовал и уехал после 1-го тура. Конечно, потерей для жюри была и болезнь Владимира Ашкенази, не позволившая ему приехать на финал.

На 2-м туре конкурс пианистов судили всего 7 человек. Это очень мало и в чем-то могло повлиять на общее решение. Тем более что у двух членов жюри – Дмитрия Алексеева (Великобритания) и Евгения Королева (Германия) – играли их ученики. Судейство на конкурсе всегда субъективно, и потому желательно, чтобы жюри было более многочисленным. Например, на предстоящем в июне 2012 года V Международном конкурсе имени А. Н. Скрябина, который проводит Московская консерватория, жюри будет состоять из 9 человек, и я надеюсь, они все приедут.

Еще я категорически против того, чтобы на финал конкурса приезжали дополнительные члены жюри. У пианистов таких предполагалось трое: В. Ашкенази, Е. Бронфман и Д. Мацуев. Они не слышали первые два тура, которые в основном раскрывают все достоинства, таланты конкурсанта и, на мой взгляд, не могли объективно судить. На таких больших и значительных конкурсах, как конкурс Чайковского, необходимо, чтобы жюри было постоянным.

Кстати, на конкурсе Чайковского неудачным было еще одно новшество – отсутствие постоянного председателя жюри. Назначение на каждый тур нового председателя (он назывался *Генеральный секретарь*) не создавало постоянного руководства, которое необходимо в силу того, что члены жюри – всегда яркие личности, часто очень темпераментные, сплошь и рядом с совершенно противоположными взглядами на исполнение.

Система оценок была прежняя (25 баллов), но система подсчета, изобретенная в США, была очень сложна и, честно говоря, мне до конца не была понятна. Конечно, она была наиболее современной и честной: члены жюри в подсчете не участвовали, а только присутствовали; оценки, выставленные каж-

дым, заводились в компьютер, и специальный юрист мгновенно выдавал результат.

Однако в Положении о жюри был один очень интересный пункт: если трое членов жюри поставили высокий балл, позволяющий какому-либо кандидату претендовать на призовое место, а он в результате не проходил, то Генеральный секретарь имел право открыть дискуссию. Я, будучи Генеральным секретарем 2-го тура, воспользовался этой возможностью и открыл дискуссию по поводу не прохождения в следующий тур Эдуарда Кунца. К сожалению, как всегда бывает, все члены жюри остались при своих мнениях и результат не изменился. Но каждый высказался, и критическая оценка исполнения этого очень талантливого музыканта возобладала, хотя все признали его дарование.

Мне кажется, что талант – это такая редкость, что явно одаренному музыканту можно простить и какие-то преувеличения, и даже заученные фальшивые ноты... Вся суть в соотношении дарования и возможных ошибок. К сожалению, сейчас все чаще на конкурсах побеждают совершен-

Эдуард Кунц

но нивелированные, превосходно обученные виртуозы, зачастую без всякой искры Божьей.

Это, безусловно, не касается победителя XIV Международного конкурса имени Чайковского. Даниил Трифонов – очень талантливый молодой музыкант, который, может быть, несколько устало играл только финал конкурса – Первый концерт Шопена, который он уже исполнял N-ое количество раз: и на конкурсе имени Шопена, и на конкурсе имени Артура Рубинштейна, и на концертах... Зато он прекрасно сыграл Третью сонату Скрябина, которую исполнял еще в 2008

году на IV Международном конкурсе имени Скрябина, где он тогда получил V премию. Во всяком случае Трифонов был, конечно, лучшим среди финалистов XIV конкурса имени Чайковского.

Хочу отметить очень яркого музыканта Чо Сэнг Чжина (III премия), самого молодого участника финала. Я думаю, он еще многому может научиться, его очень интересно слушать. Прекрасная пианистка Йол Юм Сон (II премия) из Кореи, обладающая феноменальной виртуозностью, потерпела поражение в бою с Третьим концертом Рахманинова, который оказался ей совершенно не по плечу. Единственный представитель Московской консерватории в финале – Алеша Чернов – был «запасным» участником, попавшим на конкурс, так как кто-то не приехал. Я думаю, что он поэтому не успел повторить Концерт Брамса, который был явно неудачно сыгран (он получил V премию).

В связи с упоминанием о запасных участниках не могу не выразить своего неприятия системы отбора на конкурс по кассетам. Совершенно согласен с П. Нерсесьяном, что отбор на

конкурс, когда члены жюри ездят в разные города мира и отбирают там участников, на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее оптимальным, хотя и дорогим. Живое исполнение и видеозапись – это «две большие разницы»!

Организаторы конкурса не очень продумали и состав отборочного жюри. Денис Мацуев и Павел Нерсесьян представляли только одно творческое направление Московской консерватории; Сергей Бабаян и Дмитрий Алексеев (профессора американского Кливлендского музыкального института и лондонского Королевского колледжа музыки, соответственно. – Ред.), работая в отборочном жюри, пропустили на конкурс по три своих ученика. Я не хочу сказать, что их ученики плохие. Нет! Они хорошие, и среди них, кстати, – победитель конкурса. Но тенденция просмат-

ривается, и никто не знает, кто там остался в неотобранных кандидатах... И уж совершенно непонятно, как прошли отбор такие слабые участники, как Щербаков, Чаплина, Рыбина?!

Из тех, кто мне понравился, я выделил бы, кроме упомянутого мною Эдуарда Кунца, еще Павла Колесникова и Андрея Дубова. Очень жаль, что, кроме милого и интеллигентного швейцарца Франсуа Пуаза и не приехавшего чеха, никого не было из Европы. Грустно, потому что я знаю, что в Европе очень много талантливых пианистов – и во Франции, и в Германии, и в Италии... Где они? Почему не едут к нам? Это уже становится традицией, то же было и на XIII конкурсе.

Особо отмечу приятное нововведение в программе – исполнение концертов Моцарта. Очень трудное испытание, которое, на мой взгляд, не преодолел ни один из участников. Это был либо слюнявый и сентиментальный Моцарт, либо примитивно пустой и метричный – ни живости, ни естественности. Лишнее доказательство, что современное увлечение технологическими трудностями не всегда дает 100-процентный результат. Техника есть, а наполненность музыкальной фразы отсутствует.

Очень много критических замечаний у меня и к исполнению Концерта Чайковского. Этот эпический концерт, как меня учил когда-то Лев Николаевич Оборин, превращается в громкую виртуозную пьесу с блестящими октавами, звучащими как вставные эпизоды, а не как мелодическая линия, продолжающая оркестровое *tutti*. А первое фортепианное соло, написанное автором масштабно и виртуозно на $\frac{3}{4}$, почти всеми игравется на $\frac{4}{4}$!

Закачивая эти размышления, мне хотелось бы высказать некоторые пожелания. Я думаю, что для конкурса Чайковского нужно увеличить число участников до 50 (сейчас было 30. – Ред.). Отборы нужно устраивать живьем – в России, в каком-то из городов Европы, Америки, Азии. В программе нужно сохранить концерты Моцарта. Жюри должно быть единым на всех турах в составе не менее 15 человек и иметь постоянного Председателя.

Профессор М. С. Воскресенский

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Российский музыкант» завершает дискуссию о прошедшем XIV Международном конкурсе имени П. И. Чайковского. Хотя этот масштабный форум никогда не был конкурсом Московской консерватории, он исторически с ней связан: конкурс создавался «мозговым штурмом» ее профессоров – Э. Гилельса, Д. Ойстраха, М. Ростроповича, И. Архиповой – корифеев русской исполнительской школы – и протекал в основном в ее стенах. Они оба – имени П. И. Чайковского. В нашей дискуссии приняли участие уже сегодняшние ведущие профессора по всем четырем специальностям музыкального соревнования: П. И. Скусниченко, Э. Д. Грач, С. И. Кравченко, П. Т. Нерсесьян, М. К. Чайковская, М. С. Воскресенский. Редакция «РМ» благодарит всех участников обсуждения.

Цель международного исполнительского соревнования – поиск и обретение ярких личностей, «звезд» современного исполнительского искусства и поддержка их дальнейшей творческой судьбы. Поэтому, хотя XIV конкурс Чайковского уже принадлежит истории, событие столь масштабное и столь важное для нашей творческой молодежи не должно остаться без осмысления. Состоявшееся на страницах газеты обсуждение выявило ряд ключевых вопросов – и достижений, и потерь.

Высокой оценки заслужила такая новация, как прямая интернет-трансляция, сделавшая происходящее на конкурсе достоянием всего мира. Будем надеяться, что теперь на конкурсе Чайковского она станет обязательной. Порадовал и высокий уровень международного жюри, в котором приняли участие многие знаменитости. Хотя именно к принципам формирования и функционирования жюри, к судейству, а также к способам отбора участников и к изменениям в программах возникли в процессе обсуждения серьезные претензии. Особенно потому, что в результате происшедшего, как ни странно, в более трудной ситуации, практически без поддержки, оказались именно российские участники.

Еще один большой для многих вопрос – разрыв конкурса на два города (пианисты отнеслись к этому спокойно – может быть, потому, что они-то остались в Москве!). Большинство сходится во мнении, что и по художественным, и по экономическим параметрам такой разрыв – контрпродуктивен. Нарушена полувековая традиция, формировавшая облик художественного события; исчезла единая аура, в которой ранее пребывали все участники – конкурсанты, жюри, публика, пресса; потрачены дополнительные средства на перемещения. Хочется верить, что восстановленный во всей красе Большой зал Московской консерватории, еще не забывший и торжественные открытия, и волнующие заключительные награждения прошлых лет, снова станет единым символом конкурса имени Чайковского.

У конкурса славная, более чем полувековая история позади и, надеемся, еще более долгая – впереди. *Король умер, да здравствует Король!* Очередной Международный конкурс имени П. И. Чайковского прошел – пора готовиться к следующему.

IN MEMORIAM

КАМЕРТОН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ

Консерватория простилась с **Юрием Николаевичем Рагсом**, который вплоть до недавнего времени был профессором кафедры теории музыки. Он ушел из жизни 9 марта, и, несмотря на то что это случилось сразу после праздников, на гражданскую панихиду в Малом зале, а затем и на отпевание, которое состоялось в Храме Большого Вознесения, пришли многие. Пришли, чтобы отдать дань известному ученому, прекрасному музыканту и педагогу, человеку широкой души, всегда готовому помочь профессиональным и житейским советом.

Едва ли можно точно охарактеризовать сферу научных интересов Рагса, поскольку его интересовало все: музыковедение, философия, эстетика, акустика, информатика, техника. По этому поводу он говорил так: «Самая главная черта у меня (и в этом и достоинство, и множество недостатков моих) – постоянное стремление к чему-то новому. Отсюда – универсальность, отсюда и разбросанность». Но для многочисленных учеников Юрия Николаевича такая «разбросанность» оборачивалась великим благом, так как приучала мыслить нестандартно. Под его руководством писались исследования, затрагивающие самые разные сферы, – такие как философия, эстетика, методология, акустика, сольфеджио, звукорежиссура, кампанология (учение о колоколах). Эти работы отличаются широким культурологическим подходом, присущим творческому методу самого Юрия Николаевича, в них видно стремление к синтезу между точными знаниями о музыкальном искусстве и субъективным постижением его художественной ценности. Примером такого синтеза являются обе диссертации Рагса и две его последние книги («Эстетика снизу и эстетика сверху – квантитативные пути сближения», «Акустиче-

ские знания в системе музыкального образования»).

Ученик Н. А. Гарбузова и С. С. Скребкова, Юрий Николаевич преподавал в ведущих музыкальных вузах страны – Московской консерватории и Институте (Академии) имени Гнесиных. Но путь в музыку был нелегким, ведь его детство и юность пришлось на трудные для нашей страны годы. Родился он в Казани, затем семья переехала в Куйбышев (ныне Самара), где он (в возрасте 10 лет!) стал брать первые уроки по фортепиано. С началом войны, после восьми классов общеобразовательной школы, он пошел работать на военный завод токарем. Рабочая карточка помогала семье выжить. А затем был Куйбышевский механический техникум, в котором Рагс проучился год. Музыкальное училище удалось закончить лишь в 1946 году.

Вспоминая то время, Юрий Николаевич говорил, что из-за токарных и слесарных дел его руки настолько огрубели, что пришлось перейти на теоретическое отделение. Но любовь к музыке и, конечно, трудолюбие все же помогли ему поступить в Московскую консерваторию, которую он окончил сразу по двум специальностям – как музыковед и пианист.

Технические способности позволили Рагсу впоследствии организовать и возглавить Вычислительный центр консерватории, а пианистическое образование наложило отпечаток на характер педагогической деятельности в области теории музыки. В изучении музыкального произведения Юрий Николаевич выделял две взаимосвязанные стороны: научное познание музыковеда, нацеленное на решение теоретических и исторических проблем, и художественное познание музыканта-исполнителя, для которого на первом плане – собственное отношение к музыке. В первом случае нотный текст – это изоморфная модель, которая позволяет говорить о каких-либо закономерностях музыкального языка, во втором – тот же текст является импульсом для собственной творческой работы. Это объясняет, почему в последние годы Рагс пришел к новому построению своего курса анализа, сделал его не совсем обычным.

Юрий Николаевич называл этот курс «исполнительским анализом». Он считал, что изучать типы музыкальной формы (период, рондо, соната и пр.) нужно в основном в среднем звене, в вузе же следует приучать к целостному охвату произведения, выделяя при этом художе-

ственную сторону. Особенностью курса было введение всевозможных приемов и средств творческой настройки. На уроках исполнялась, а затем уже анализировалась музыка из студенческого репертуара (играли сами студенты и их учителя), для полноты картины привлекались многочисленные ассоциации и параллели с другими видами искусств, изучалась историческая обстановка, сопутствующая созданию того или иного произведения и т. д. Метод Рагса состоял в том, чтобы пробудить творческую активность студента и задействовать его мышление. Педагог аккумулировал творческую энергию и передавал ее своим ученикам.

Юрий Николаевич Рагс прожил долгую, яркую жизнь – ему было 85. До самого последнего дня он работал над рукописями – своими и чужими, давал консультации ученикам. Говорят, что случайностей не бывает. Не случайной, наверное, была и тема его первой, кандидатской, диссертации «О художественной норме чистой интонации при исполнении мелодии», – ведь в его душе всегда звучала чистая интонация, выверенная безошибочным чувством художественной правды. Легкий и светлый человек, очень скромный и тактичный, он настраивал окружающих по своему камертону. Низкий поклон ему за все и Вечная Память!

Доцент И. В. Воронцова

КОНФЕРЕНЦИЯ

АРХИВЫ И ЗАРУБЕЖЬЕ

В течение многих лет **Научная музыкальная библиотека имени С. И. Танеева Московской консерватории проводит Международную научно-исследовательскую конференцию «Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России»**. Каждый год она собирает научную общественность **России и Зарубежья**. В тридцатый раз, 27-28 марта, двери Конференц-зала Рахманиновского корпуса вновь были открыты для участников и гостей этого события.

Благородный, всегда актуальный замысел конференции – воссоединение мирового наследия музыкантов и историков, оказавшихся по воле судьбы вдали от родины, – изложен в ее программе. География участников была представлена городами России, из ближнего зарубежья – Украиной. В этом году конференцию посетили европейские ученые из Великобритании и Нидерландов. Как выяснилось, значительный российский «след» имеет и далекая Аргентина. Масштаб изученных архивов оказался еще шире – на конференции были представлены результаты долговременной работы авторов докладов в документальных и нотных собраниях России, Великобритании, Нидерландов, Франции, Швейцарии, Аргентины, Канады и США.

На конференции обсуждались истории и судьбы архивов в целом, особенности отдельных произведений и документов.

Сферу научных интересов авторов, сосредоточивших свое внимание на источниковедческих проблемах, составили самые разные аспекты жизни и творчества русских композиторов – О. А. Козловского, П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, Н. И. Зарембы, А. В. Абутова, Ю. И. Арбатского, Н. С. Корндорфа. Зарубежная композиторская школа была представлена именами Дж. Санти, Ф. Сантини, Ф. Листа. В ряде выступлений была освещена деятельность музыкальных исследователей Л. А. Бурго-Дюкудре, Э. Даннрейтера, А. Моозера, Л. С. Гинзбурга и исполнителей Р. Пюньо, М. П. Пантелеева, А. В. Святловской, М. В. Черносовой.

Собрание конференции приветствовал проректор по научной и творческой работе консерватории проф. К. В. Зенкин. Директор Научной музыкальной библиотеки консерватории Э. Б. Рассина произнесла вступительное слово. Выступающие говорили о большом научном пространстве, открывшемся перед исследователями русских архивов вне России, о необходимости объединять и преувеличивать знания о неизвестных источниках.

Чтения конференции открыли иностранные гости: исследователь Марти Северт (Библиотека музыки и радио Нидерландов) выступил с докладом о русских музыкальных архивах в Нидерландах, а историк музыки Диего Боскет (Национальный Университет Кужо провинции Мендоса) – о нот-

ных рукописях композитора, педагога, музыкального просветителя А. Абутова, который после революции 1917 года и Гражданской войны оказался в Аргентине.

В конференции приняли участие не только музыковеды. Н. С. Зелов, представляющий Государственный архив РФ, рассказал о переписке французского композитора, музыковеда-фольклориста Л. А. Бурго-Дюкудре с русскими музыкальными деятелями. Историк Н. В. Курков (Московский государственный областной университет) подготовил доклад по материалам архивного фонда

Музея русской культуры Сан-Франциско (США) о деятельности певца М. П. Пантелеева. В докладе Д. Р. Лотова – органиста, пастора Евангелическо-лютеранской общины Св. Петра и Павла (Москва) – была отражена деятельность органистов лютеранских церквей Москвы.

Со временем у конференции сложился свой круг докладчиков. В числе ее неизменных участников – представители музеев, архивов и библиотек. Крупнейший специалист по творчеству П. И. Чайковского П. Е. Вайдман (Государст-

венный Дом-музей П. И. Чайковского в Клину) посвятила свой доклад второй редакции Первого фортепианного концерта Чайковского в связи с исполнительской и исследовательской деятельностью Э. Даннрейтера, ее коллега по работе в Доме-музее Чайковского А. Г. Айнбиндер рассказала поистине детективную историю неизвестного письма Ф. Листа. Об открытии неведомого ранее рукописного сборника сочинений О. А. Козловского поведала сотрудник Отдела рукописей Российской государственной библиотеки Г. А. Тимошенко. В. И. Антипов (Русское музыкальное издательство), ведущий проект издания полного собрания сочинений С. В. Рахманинова, сделал сообщение о творчестве композитора 1920-30-х годов, основанное на материалах зарубежных архивов Рахманинова.

На переднем плане: Э. Б. Рассина и Диего Боскет

та Ф. Сантини и нотном поступлении из библиотеки певицы М. В. Черносовой. Результаты исследования личного архива Н. С. Корндорфа в Канаде были изложены Е. А. Николаевой.

«Ветеран» конференции М. П. Прышников на этот раз поделилась с аудиторией сведениями о письмах А. Моозера к Л. С. Гинзбургу, а Ю. Я. Арбатская (Украина) совместно со С. Г. Зверевой (Великобритания) открыли публике имя композитора, органиста и музыковеда Ю. И. Арбатского. Юта Арбатская (внучка Ю. И. Арбатского) подарила библиотеке две свои книги о судьбе представителей ее семьи, основанные на архивных документах. Вызвал интерес также рассказ хранителя Музея истории Санкт-Петербургской консерватории А. А. Алексеева-Борецкого о музыкальном наследии Н. И. Зарембы в Базеле. В дар консерватории передана монография ученого. П. Е. Вайдман подарила библиотеке новые издания: «П. И. Чайковский. П. И. Юргенсон. Переписка. В 2 томах», т. 1 и цикл «Времена года» – уртекст и факсимиле (издательство «П. Юргенсон», 2011), выполненные Домом-музеем П. И. Чайковского в Клину.

Тринадцатая конференция – «чертова дюжина»... В действительности не одна дюжина открытий, знакомств с интересными людьми, с коллегами по профессии и единомышленниками. Остается поблагодарить организаторов конференции – Э. Б. Рассину, И. В. Брежневу и Г. М. Малинину за верность идее и старание в развитии общего дела.

Доцент А. Е. Максимова

КОНЦЕРТ

ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В каскаде многочисленных ярких показов работы с хором студентов и аспирантов кафедры современного хорового искусства Композиторского факультета Московской консерватории особое место занял концерт 1 апреля, прошедший в Малом зале. В нем приняли участие три известных хоровых коллектива страны: Большой детский хор имени В. С. Попова

практики. Ее наличие (или отсутствие) на том или ином этапе становления музыканта может сыграть определяющую роль в его творческой судьбе. Архиважно это для будущих руководителей хоровых коллективов. А уж возможность оказаться в сердцевине современной отечественной хоровой исполнительской культуры, да еще и в материале современной хоровой музыки переоценить попросту нельзя.

Это был опыт как профессионального, так и подлинно художественно-сотрудничества. Живое общение с коллективами позволило

и поверить в себя, и получить оценку певцов. Для испытания были выбраны программы из произведений для хора а cappella А. Эшпая, Р. Щедрина, Р. Бойко, Т. Корганова, А. Флярковского, Г. Дмитриева, В. Кикты, В. Рубина, Н. Голованова, Г. Свиридова, Ю. Фалика, русские народные песни в обработке А. Ларина... Особую остроту придали этому концерту-зачету (!) естественная и дружественная соревновательность единомышленни-

ков, преданных хоровому делу энтузиастов. Концерт не только вышел далеко за рамки стандартного зачета. Он и в ряду филармонических мероприятий явился бы событием исключительным. Воистину – это был праздник и красоты, и высокой этики.

В живом творческом процессе перед публикой, заполнившей зал до отказа, предстали и учителя-наставники, и мастера-созидатели, и молодежь. Любовью к хоровому искусству дышали все участники вечера: хоровые певцы и солисты, дети концертного хора «Канцона» детской школы искусств «Вдохновение», выступившие в начале концерта, и публика, а также превосходный ведущий (доцент Е. К. Волков), и, конечно, студенты-дирижеры со своими педагогами – все подданные высокой музыкальной традиции.

Теплым напутствием открыл вечер вдохновитель этого события концерт, заведующий кафедрой современного хорового исполнительского искусства профессор Б. Г. Тевлин. А в конце искренне взволнованные масштабом своей работы студенты тепло благодарили руководителей прославленных коллективов и педагогов кафедры – доц. А. Л. Кислякова, проф. Л. З. Конторовича, проф. Г. А. Дмитрияка. В историю Московской консерватории вписана еще одна яркая страница.

Профессор Ю. А. Евграфов

На фото: Академический Большой хор «Мастера хорового пения», худ. рук. профессор Лев Конторович. Фото Александра Скорыка

Российской государственной радиовещательной компании «Голос России», Академический Большой хор «Мастера хорового пения» Российского государственного музыкального телерадиодцентра и Государственная академическая хоровая капелла России имени А. А. Юрлова. Дирижерами выступили студенты II и III курсов – прецедент необычайный!

Нет нужды объяснять важность организации студенческой

ВЫШЛА КНИГА

МУЗЫКА XX ВЕКА

Учебное пособие для музыковедов и композиторов. НИЦ «Московская консерватория», 2011

Сказать, что мы давно уже ждали такую книгу – значит, не сказать ничего. Консерватория помнит времена, когда нельзя было и помыслить о каком бы то ни было разговоре – устном, а уж тем более письменном – о музыке XX века. Но те времена канули, и по инициативе Г. В. Григорьевой в 1981 году был введен курс современной музыки, который она читала. Благо, в ее распоряжении – целая библиотека редких изданий авангардной музыки (таких не было даже в консерваторских фондах) – ключевых произведений современных композиторов, без которых картину XX века трудно представить. Лекции

Галины Владимировны содержали внушительный объем важнейшей информации об эволюции музыки в XX веке, о композиторах, разборы произведений, комментарии и высказывания композиторов. Когда курс был передан М. С. Высоцкой (2008), он расширился чуть ли не вдвое, охватив новейшую музыку, сегодняшние художественные реалии, дополнившись новыми темами и проблематикой. Весь этот труд до сих пор замыкался стенами аудиторий (куда, кстати сказать, набегали студенты из других вузов), а заслуживал того, чтобы стать всеобщим достоянием в опубликованном виде. Что и, наконец, осуществилось. В основу издания легли лекции Г. В. Григорьевой и М. С. Высоцкой по курсу «Современная музыка».

Такого свода тщательно отобранного материала новой и новейшей музыки у нас до сих пор не было. Восемь глав учебника построены не по теоретическим аспектам, а по эстетическим направлениям: *Экспрессионизм и новые техники XX века, Русский авангард начала XX века и новые техники, Интертекстуальные тенденции, Фольклор и музыка XX века, Музыкальный авангард II, Американский минимализм, Отечественная музыка второй половины XX века*. Каждый из этих разделов содержит еще и подрубрики. Например, глава об отече-

ственной музыке второй половины XX века членится на разделы: *Второй авангард в России* (Волконский, Каретников, «Московская тройка»), *Эстетика «новой простоты»* (Арво Пярт, Сильвестров), *Русская версия минимализма* (Мартынов, Корндорф), *Композиторы – члены АСМ-2* (Караев, Тарнопольский, Екимовский, Раскатов, Каспаров).

Даже на фоне разнообразных изданий по современной музыке, выпущенных за последнее время, эта книга отличается тем, что в ней энциклопедически кратко и емко обрисована вся эстетическая проблематика XX века, описаны техники композиции, представлены аналитические очерки (выписаны серии, синтетаккорды, лады, спектральные схемы и пр.), помещены многочисленные нотные примеры, приведены тексты произведений. В издании есть много высказываний композиторов о своих замыслах и воплощениях, о современной композиции и философских аспектах творчества. В ней также множество побочной справочной информации в сносках. Обширная литература могла бы составить честь докторской диссертации, что говорит о ее полезности отнюдь не только для студентов-первокурсников и даже не только для студентов. Словом, новая книга о современной музыке – это своего рода *synagoga musicum*, нацеленная на освещение главных явлений XX века. Но открытая в век нынешний.

Доцент М. И. Катунян

ФЕСТИВАЛЬ

ЗВУЧИТ ОРГАН

С 9 по 27 марта в столице прошел XII Московский международный органный фестиваль. Несмотря на свой сравнительно небольшой возраст, он сумел завоевать прочные позиции в культурной жизни и снискать многочисленных поклонников среди меломанов. За 12 лет существования фестиваля на нем побывали ведущие музыканты, состоялись порядка 200 концертов, объединяющих разные сферы органный исполнительства, прозвучало более ста премьер, были проведены десятки международных мастер-классов с участием крупнейших европейских профессоров, открыты новые имена молодых органистов...

Мареk Стефанский

Согласно сложившейся традиции два концерта (на этот раз – в Малом зале) были посвящены основателям московской органной школы. Фестиваль открылся вечером памяти Л. И. Ройзмана: студенты и аспиранты кафедры органа – А. Аскарва, М. Антоненко, Ю. Драгинда, А. Демидова, С. Иглицкая, Я. Станишевский, К. Косарева, А. Сидоркина, Н. Ужви, Т. Коница, И. Шашкова-Петерсон при участии Т. Матинян (тенор), В. Мистюковой (флейта), Ф. Егорова (гобой), Г. Кротенко (виола да гамба), М. Емельянычева (цирк) и Концертного хора МПГУ п/у А. Соловьева – исполнили сочинения Д. Букстехуде, И. С. Баха, Г. Ф. Генделя, Ф. Листа, Ф. Мендельсона, М. Рegera и др. А 23 марта, в концерте, приуроченном к 125-летию со дня рождения А. Ф. Гедике, в сопровождении Симфонического и Камерного оркестров ЦМШ п/у В. Валеева с большим успехом выступил один из ярчайших молодых органистов – лауреат международных конкурсов Константин Волостнов. Прозвучали Концерт для клавира (органа) и струнных Баха *BWV 1055*, Concerto grosso Генделя *op. 66 № 9*, а также сочинения Гедике – Прелюдия и fuga для органа *Es-dur*, Прелюдия для струнного оркестра, органа, трубы и арфы и Концерт для органа и струнного оркестра *op. 35*, посвященный Н. Я. Мясковскому.

19 марта в Малом зале при полном аншлаге прошел концерт органиста Марицакого костела в Кракове Марека Стефаньского (Польша). Прозвучали старинные табулатуры, а также сочинения И. Пахельбеля, Д. Букстехуде, И. Л. Кребса, И. К. и И. С. Баха. 22 марта профессор Высших школ музыки в Кельне и Штутгарте Людгер Ломанн (Германия) провел для всех желающих мастер-класс.

Как и прежде, выступали не только известные органисты, но и совсем юные. 14 марта на сцену зала Академического музыкального колледжа при консерватории вышли учащиеся ДМШ и АМК при МГК, а 17 марта в зале им. Н. Я. Мясковского на вечере «Под сенью дружественных муз» выступили учащиеся детских музыкальных школ имени А. Т. Гречанинова, И. О. Дунаевского, С. С. Прокофьева, а также Ансамбль старинной музыки «*Fiori musicali*» (ДМШ им. А. Т. Гречанинова).

Фестиваль завершился концертом 27 марта, в котором приняли участие солисты Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и Московский мужской камерный хор «Кастальский» п/у А. Рудневского (солисты – тенора А. Башков и А. Михнюк, баритон П. Диденко, басы С. Майский и Д. Фадеев). В первом отделении Е. Афанасьева (сопрано), Н. Мавлянов (тенор), Д. Кондратков (баритон), А. Кабашная (скрипка), Е. Макарова (виолончель), А. Черток (орган) с блеском исполнили сочинения западноевропейского барокко. В продолжение вечера под чутким аккомпанемент органисток Е. Бутузовой и Н. Рудневской звучала русская духовная музыка – произведения А. Кастальского, А. Гречанинова, Г. Свиридова, Е. Бутузовой; впервые были исполнены «Отче наш...» В. Агафонникова (памяти А. Д. Кожевникова), «Вечерняя звезда» Ю. Сахновского в переложении для хора и органа А. Рудневского и «Волшебное озеро» А. Лядова – Е. Бутузовой.

Бесспорно, фестиваль не мог бы состояться без самоотверженной и продуманной работы его главного организатора и вдохновителя – завкафедрой органа и клавесина профессора Н. Н. Гуревой-Ведерниковой. В подготовке концертов кроме нее приняли участие профессор А. А. Паршин, доценты Л. Б. Шишханова, А. С. Семенов, Д. В. Дианов, ст. преп. А. М. Шмитов. Низкий поклон также бесменному органному мастеру консерватории – Н. В. Малиной. Надеемся, что следующий фестиваль станет не менее значительной вехой в музыкальной жизни Москвы и соберет под своей сенью еще больше заинтересованных слушателей.

Собкор «РМ»

Главный редактор: профессор Т. А. Курьшева
Ответственный редактор: доцент М. В. Щеславская
Оригинал-макет: М. В. Переверзева
Сдано в печать: 13.04.2012

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
e-mail: newspapers@mosconsrv.ru
Интернет: rm.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-37912
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА